
ФИЛОЛОГИЯ

О мотивах в адыгском нартском эпосе*Кук А.С.*

Представлено академиком АМАН Б.Х. Бгажноковым

В адыгском нартском эпосе наиболее распространенной мифологемой являются мотивы, сопровождающие человека с древнейших времен, что свидетельствует об архаизме мотивов и древности адыгского (черкесского) нартского эпоса. “В ашельское время (150–100 тысяч лет тому назад – А.К.), – отмечают П.М. Кожин и Б.А. Фролов, – люди широко пользовались благодатным огнем, защищавшим их от холода, сырости и свирепых зверей. Следы костра обнаружены в Кударо 1, а отдельные угольки – в слое Среднехаджохского поселения. В связи с подобными фактами, ученые предполагают, что мифы о Прометее, доставившем человеку огонь (или Саусэрука, который принес нартам огонь) “сложились задолго до возникновения людей современного типа (*homo sapiens*), на стадии неандертальца или питекантропа” [1, с. 39].

Основными мотивами адыгского нартского эпоса являются мотив добывания / возвращения огня; мотив богоборчества; мотив уязвимого места на неуязвимом теле; мотив неперемогимого наказания за грехи; мотив умирающей и воскресающей природы; мотив единства и борьбы противоположностей в природе; мотив наездничества; мотив борьбы за ореховое дерево, как за сакральное место; мотив похищения огня, культурных благ; мотив возвращения огня; мотив изобретения первых орудий труда; мотив искусного изготовления оружия; мотив наездничества; мотив вызова противника на поединок; мотив пленения; мотив проигрыша в противостоянии из-за потери коня; мотив воскресения после вторичного удара; мотив предоставления предсмертного пожелания; мотив смерти от своего оружия; мотив угрозы после смерти; мотив связывания; мотив изоляции; мотив выздоровления родителей после употребления крови убийцы сына; мотив сбрасывания немощных стариков со скалы; мотив тайной связи матери героя с его врагом; мотив подвергания остракизму; мотив борьбы героев с их врагами из подземного мира; мотив рождения умершим от живого или живым от умершего; мотив требования девушки в качестве дани; мотив борьбы героя с благо; мотив победы над благо; мотив охраны святого кургана благо и змеями; мотив борьбы орла со змеей; мотив борьбы героя над орлом; мотив поклонения горе; мотив видения прошлого и будущего и др. Рассмотрим некоторые из них.

Мотив добывания / возвращения огня

Как известно огонь нартам принес Саусэрук (Саусырук, Сосруко). Не вернул, а принес. Когда злое божество, покровитель атмосферных явлений Пако, рассердившись на нартов, унес огонь очага, его вернул нарт Пэтэрэз. Знать это важно, ибо многие исследователи мифопоэтического сознания адыгов до сих пор путаются и не могут различать кто принес огонь, а кто вернул его.

Нартских сказаний о добывании огня нартом Саусэруком более двух десятков. Поводом для поиска огня для нартов стал лютый холод, который окутал землю. По одной версии, нарты возвращались из набега, где их застала пурга, и они попросили Саусэрука, которого они встретили в пути, достать им огонь. Другие сказания повествуют, что это сам Саусэрук наслал на нартов холод в наказание за то, что они нарушили нарт Хабзэ и не поделились с ним добычей, когда он встретился им в пути.

Нарты остались в поле, а Саусэрук отправился на поиски огня. Он не сразу нашел его.

Наконец, увидев огонь, он решил подскочить на коне и забрать его, но огонь находился в круге, что было символично - иныж лежал вокруг костра кольцом, положив голову на ноги. Тогда доблестный конь Тхожий (Тхъожъый) посоветовал Саусэруку взять незаметно головешку, и как лиса подполз к огню. Когда нарт взял головешку, искры посыпались на иныжа, и он проснулся. Иныж был настолько велик, что, “не сходя с места, обшарил семь дорог, и поймал Саусэрука, похитившего огонь”. Так нарт оказался в неволе, что символизировало мотив пленения, часто встречающийся в нартском эпосе. “Мотив пленения, временного содержания культурного героя-добытчика позволяет говорить о его родстве с солярной мифологией ... Наступление холода (от чего нарты начали замерзать) первоначально могло быть связано с пленением Сосруко, как это бывает с солярными героями или божествами. Освобождение знаменует наступление теплой поры ... Сказанное позволяет говорить о влиянии солярного культа на формирование образа Сосруко, что еще раз указывает на древность этого персонажа” [2, с. 137].

Иныж грозит нарту, что, если он не расскажет, какими играми тешится Саусэрук, он его убьет. Иныж не догадывается, что перед ним стоит сам Саусэрук. Великан стремится доказать, что он сильнее отважного нарта, о котором он слышал не раз, легко решает задачи, которые предлагает Саусэрук: сброшенную с горы каменную глыбу вновь загоняет наверх, купается в кипятке, пропускает через себя раскаленный лемех, забивает рот стрелами и пережевывает их. Лишь хитростью, приморозив иныжа, герой побеждает его. Когда Саусэрук подбегает, чтобы снести голову, тот дунул на него, и он “отлетел на расстояние одного дня”. Но нарт Саусэрук “был быстр как молния” и вновь возвращается и наносит удары мечом, но “даже маленькой царапины не смог ему сделать, ни один волосок не смог перерубить”. Тогда Тхожий говорит ему, что так одолеть иныжа невозможно, его можно убить лишь его же оружием. Но меч иныжа обладает чудесным свойством – поражать тех, кто стремится взять его голыми руками. Тхожий подсказывает, что меч иныжа можно взять щипцами нарта Тлепша. Так и сделал Саусэрук, он перехитрил его и взял его за рукоятку. Когда нарт вернулся к великану, тот перед смертью просит его:

“Я пропал, я это знаю,
Пусть тебе будет удачей моя смерть...
Когда отрубишь мою голову,
Вытащи большую жилу из шеи,
Сделай его себе ремнем.
В тебя перейдут мои силы ...” [3. Т. 2, с. 28].

Когда Саусэрук вытащил жилу по совету Тхожия, он бросил ее на камень, и она перерубила его. Когда он хлестнул жилой огромное дерево, она и его перерубила. В отдельных сказаниях говорится, что из тела иныжа вышли три жилы, любая из которых была способна поразить того, кто прикоснется к ним. Мотив угрозы и после смерти в данном случае напоминает противостояние грузинского героя Амирани и Бак-Бак дэва, чудовище в грузинском эпосе “Амираниани”. Амирани убивает грозное чудовище дэва, который перед смертью просит витязя не убивать трех червей, которые вылезут из его отрубленной головы. Позже черви превратились в страшных драконов. Как видим, в адыгском и грузинском эпосах, побежденный великан может погубить неосторожного героя.

Надо отметить, что в нартских сказаниях есть варианты, где огонь не похищается нартом Саусэруком (мотив похищения огня у “культурного героя” иныжа, мифического владельца и хранителя огня является наиболее распространенным сюжетобразующим мотивом цикла, посвященном нарту Саусэруку), а иныж сам передает ему огонь. Ведь

иныжи до нартов обладали “культурными благами”, самое главное из них - это владение огнем, его хранение [4, с. 53]. “Я много слышал о подвигах Сосруко и считал его великаном, а не таким маленьким, как ты, – говорит иныж нарту. - Ну, бери огня, сколько хочешь” [Там же, с. 354]. Данный пример, как справедливо отмечает А. Цишинов, “... восполняет важное звено в эволюционном развитии представления адыгов о происхождении этого предмета культуры. Понятно, что мотив похищения культурных благ стадильно более поздний, чем простое их добывание, так как само понятие хищения могло сложиться в период разложения общины ...” [5, с. 106].

Когда Саусэрук вернулся к нартам, в живых остались, те, кто были посередине: снаружи замерзли от холода, те, кто внутри, задохнулись. С этого дня у нартов появился огонь.

К более позднему периоду, несомненно, относится мотив возвращения огня, его вторичное добывание, как материального блага: похищение огня у нартов Пако, приковывание предводителя и тамады нартов Насрэн жач к горе, и победа Пэтэрэза над злым божеством. Пако унес огонь нартов за то, что они его “перестали почитать, как бога”. Изменения погоды во время похищения огня у нартов Пако, сопровождаются гротескным описанием: “Как молодую ветку сгибал ураган вековые дубы, до неба поднимал морские волны, до основания разрушал дома ...” [3.Т. 4, с. 154]. Пако не только унес огонь нартов, но и напустил на них холод. Нарты попросили своего предводителя Насырэна жачэ (Нэсырэн жакI - Насырэн борода, букв. всегда достигающий цели), вернуть огонь, и он отправился к горе Ошхэмаф (Юшхэмаф - Счастливая гора, Эльбрус), где жил Пако. Насрэн спросил его, почему он отобрал огонь очага нартов, ведь они считают, что у него, у Пако, “жалость бесконечна”. Грозное божество в гневе отвечает:

“ ... Маленькие людишки, вы вышли из веры,
Моему божьему лицу делаются большие неуважения.
Из того, что выращиваете на земле, не выделяете моей доли,
Накрывая стол, не откладываете мне кушанья,
В конце года не произносите хох (х'хох'ху – заздравный тост) в мою честь,
Открывая бочку с хмельным, мою долю не отливаете...
Из охоты возвращаетесь – не делитесь,
Вместе с вами я не пью и не кушаю в ваших застольях,
Мое жилище, Ошхэмаф, хотите сделать тропую,
Я слышал от вас, нартов, не раз,
За все это расплачиваетесь вы, нарты ...” [3. Т. 4, с. 94, 154].

За то, что предводитель нартов Насрэн жач “посмел” прийти к нему и “осмелился” заявить, что хочет вернуть людям огонь, Пако приковывает его к горе. Те нарты, которые осуждали Насырэна за непослушание богу, сказали:

“О уи – уий! (возглас) нарт Насырэн,
Насырэн жач ...
Волю Тхэ (Бог) и его желания
Ты не принимаешь.
Ты проклятый Тхэ,
Поднятый на вершину скалы,
Прибитый к горе ...
Пока мы тебя отвяжем,
Пусть Тхэ умертвит на месте,
Умертвит ...” [3. Т. 7, с. 15-16].

А нарты, почитавшие своего предводителя, не раз пытались спасти его, но многие из них погибли, и они возвращались ни с чем. Лишь Пэтэрэз сумел победить всех помощников Пако, вернуть огонь нартам и освободить Насрэна жач. Вторичное добывание материальных благ: огня и семена проса, возвращенные нартом Саусэруком, свидетельствует о том, что в мифологическом сознании адыгов предметы культуры локализовались в мифическое время у мифических персонажей.

Богоборчество

Как видно из нартских сказаний, эпический герой Насрэн жач, защищая интересы людей на земле, начинает противиться богу (Пако). Он делает вызов ему и говорит, что “если не вернет огонь нартов, пусть убирается с Ошхэмаф”. Насрэн жач первым восстал против злого бога Пако, и он это сделал ради нартов, однако, отдельная часть нартского общества, опасаясь Пако, осуждала Насрэна, Пэтэрэза, затем Орзэмэса за то, что они противились воле бога.

Не только нарты, но и адыги, позже осуждали героев-богоборцев, считая, что это большой грех противиться богу. Так в сказании “О восставшем против Бога” осуждается Насрэн и говорится, что в адыгских хачецах (гостиных) не приветствовалось рассказывать о Нэсрэне - “старике, посмевшем выступить против бога”. Он, мол, возгордился, посмел противиться богу, и начал вмешиваться в дела бога. Но когда был побежден злой Пако, нарты собрались на санопитие и произнесли тосты в честь героя Пэтэрэза и Насрэна жач.

“Любая религия предполагает, прежде всего, абсолютную веру и абсолютное послушание, что в монотеистических священных книгах прослеживается достаточно четко, однако в мифах, все же, это намек, смысл, – отмечают А. Казиева и Б. Шавхелишвили. – На наш взгляд, в мифах непослушание - равнозначно поиску истины, желанию совершить добро. Однако, это прерогатива высшего разума, но не человека” [6, с. 174-178].

Стремление людей где-то ослушаться бога воспринималась как посягательство на величие и могущество богов. Отголоском этого представления являются сюжеты о прикованных старцах, героях – богоборцах, прикованных цепью обычно в глухих и недоступных пещерах, глубоких горных впадинах. “Дерзнул старик свергнуть владычество Тха, и вот отмщение Тха – вековые цепи, которыми прикован старик к камню на белой вершине Ошхамахо” [7, с. 91].

Многие богоборцы в адыгских мифоэпических повествованиях представлены получившими наказание за то, что ослушались Тхэ, начали соперничать с ним. Для примера приведем предание, которое в XIX веке опубликовал на страницах газеты “Кавказ” С. Хан – Гирей. “Предание повествует, что на вершине снежного Эльбруса за какие-то грехи прикован один великан, – пишет автор. – Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей: “Растет ли еще на земле камыш, и родятся ли ягнята ...” Безжалостные стражи отвечают: “Камыш растет, и ягнята родятся”. От такого ответа великан приходит в бешенство, рвет свои оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи брызжут молниями и грохочут громами; его тяжелое дыхание – порывы урагана, стоны - подземный гул; бурная река, вырывающаяся из подножия Эльбруса, – его слезы” [8].

Через сто с лишним лет была записана “Легенда о восставшем против Бога” от сказителя Ибрагима Хушта. Если в первом предании прикованного титана охраняли жестокие стражи, которые не выпускали его, в этом предании титана охраняет собака, которая хочет освободить его и пытается перегрызть цепи.

“Говорят, что наты (нарты) выступали против бога, – поведал сказитель. – Легенду

о нате, который восстал против бога, слышал я часто. Он стал сквернословить на бога, этого не стерпел бог, и его ангелы приковали, наложив на него цепи ... Около ната сидит собака, верная ему, охраняет. Она беспрестанно цепи грызет, бывает, почти перегрызет. Но слышатся удары о наковальню, и железная цепь вновь утолщается. Тогда с криком “ха-хай” нат начинает бушевать – дождь льет, гром гремит. Когда железными цепями о цепь бьет – и молнии блещут, когда с шумом “па-аф” изрыгает воздух – сильный ветер дует, резко встряхнув себя – заставляет гору вздрогнуть, с шумом “пхып-хыпх” камни большие спускает сверху. Люди не хотят, чтобы цепь, которая против тех, кто посмел восстать против Бога, была перегрызена собакой; они боятся и говорят, что, если перегрызет, как Телаль, он явится на землю, уничтожит благочестие Бога, мир перевернется и рухнет”.

Делать трехкратные удары по наковальне, а также по лемеху осталось еще в традициях адыгов. При первом посещении кузни и перед уходом производили удары молотом по пустой наковальне. Адыги имели “отэо маф” (день удара молотом), при котором, поочередно произведя удары по наковальне, первый говорил: лъыгъэк1уат (“подвинь дальше!”), а другой ек1отэх (спусти ниже!”). Всем этим люди хотели “отодвинуть от себя бедствие” [3. Т. 7, с. 14-15]. Еще до недавнего времени проводились чащ (к1апщ), и непременно перед кроватью больного раскладывали лемех и молоток. При посещении больного, каждый подходил к лемеху, брал молоток и делал три удара по нему и желал благополучного выздоровления.

Причиной противления Тхэ не всегда была дерзость, попытка свергнуть владычество, скорее это были поиски справедливости и возможности подняться на гору, как и патронам. Так, бесстрашный и храбрый герой сказания “Гнев Тхэ” решил подняться на Ошхамаф, узнать тайну Тхэ и скинуть его с вершины, потому что там “... жил Тхэ, который не имел никакой жалости к людям. Никто из людей, рожденных на земле, не имел права подняться на вершину горы, где жил Бог. Бог был жестокий и никогда не разговаривал с людьми ...” [3. Т. 7, с. 16]. За свою дерзость герой был прикован к скале, его терзал орел, он так провел всю свою жизнь, не раз пытаясь освободиться от оков, но не смог, постарел, и, не выдержав наказание Бога, из его глаз брызнули обильные слезы, которые пробили подножие Ошхэмаф. Люди называли его слезы нартсан.

В следующем сказании “О джигите, прикованном к горе”, опубликованном в военном сборнике в 1880 году, Тхэ наказывает человека, который сделал для людей немало: научил их добывать огонь, железо. Но это его не спасло – за то, что он начал считать себя равным богу, тот его наказал. “Некогда в горах жил сильный человек, – повествуется в сказании. – Все ему удавалось: научил людей высекать огонь из кремня, добывать железо, забыл только Богу молиться, стал думать, что равен ему. За такое вольнодумие Бог приковал его к вершине скалы. Около него два орла летают, по очереди на него садятся и грудь ему клюют” [9, с. 307-309].

Надо отметить, что мотив приковывания титана-богоборца встречается не только в нартских сказаниях и пщынатлях, также и в других жанрах фольклора. Но прикованный уже не человек, а мифическое существо - великан, Мэзитленук. Предания о прикованных титанах известны и другим народам Кавказа, они встречаются у абхазов, грузин, армян и это сходство свидетельствует о родстве кавказских народов, близости их культуры.

Мотив уязвимого места на неуязвимом теле

Мотив уязвимого места на неуязвимом теле в эпосе, прежде всего, связан с именем Саусэрука. Нарт Тлепш взял пылающего жаром младенца Саусэрука щипцами и окунул его семикратно в кадку с водой. В стальном теле неуязвимого Саусэрука уязвимым стало

место, которое держал щипцами кузнец. А какое это было именно место, в нартском эпосе нет единого мнения. В сказании “Рождение Саусэрука” повествуется, что Тлепш железными клещами схватил ребенка за оба бедра и семь раз окунул в воду ... сделал семикратную закалку ... Тело его стало крепким как сталь. Но его бедра, за которые (он) держал железными клещами, остались мягкими, как у обыкновенного человека” [3. Т. 2, с. 31-32].

В другом сказании, по просьбе матери нарт Чэлэхсэт отнес родившегося Саусэрука нарту Тлепшу. Тот “оба колена схватив щипцами, семикратно закалил ребенка” [3. Т. 2, с. 33]. Представители сирийской черкесской диаспоры считают, что “кузнец закалил нарта Саусэрука, взяв его за левое колено” [10]. А в абхазском варианте сказания “Рождение Сасрыква”, уязвимым местом неуязвимого тела нарта была правая нога.

Ж. Дюмезиль, побывавший среди черкесов Измита в Турции в 30-х годах прошлого века, и записавший сказание о рождении Саусэрука, тоже считает, что уязвимым местом на теле Саусэрука были колени. Сказители сообщили ему, что конь Саусэрука Тхожий, в тело которого не входили стрелы, имел одно уязвимое место – копыто. “Стрела ... ударит лошадь Саусырыко под копыта и ... лошадь упадет. Это и произошло” [11, с. 17-18].

Нартские сказания, записанные в Адыгее, подтверждают подобные детали и уточняют, кто предупредил нартов об уязвимом месте в теле Саусэрука и его коня. Это была женщина уд, которая притворившись золотым шлемом, сделала так, чтобы его подобрал Саусэрук, подслушала разговор коня и всадника и услышанное передала врагам Саусэрука.

Убых Тевфик Эсенч Зенфу из убыхского селения Хаджиякуб Турецкой Республики (убыхи один из субэтносос черкесов – А.К.) считал, что “Тлепш кузнечными щипцами взял новорожденного за бедра и окунул три раза в воду” [1, с. 11].

Эпический мотив уязвимого места в неуязвимом теле имеет сходство с осетинским сказанием о Сосрыко. Уязвимым местом осетинского нарта Сосрыко были “колени, которые были согнуты у новорожденного Сосрыко во время его закаливания” [11, с. 28-35]. У греческого Ахилла, героя Троянской войны, уязвимым местом на теле была пятка, за которую его держала мать - морская богиня Фетида, когда она окунала его в подземную реку. Троянский царевич Парис пустил стрелу, а бог Апполон направил его в пятку Ахилла. Так был убит Ахилл. А на Саусэрука накатили острое железное колесо, и оно отрезало ему ноги, но он остался жив.

Тут нужно обратить внимание на одну важную деталь. Когда Саусэрук упал, к нему подскочил Тхожий и сказал: “Возьми отрезанные ноги, положи их за пазуху и садись на меня!”. Саусэрук сел на коня, но, увидев, что конь мчится от врагов домой, крикнул: “Ты куда бежишь – Враги мои там, если мои ноги отрезало, руки остались, я могу держать свой меч!”. А Тхожий знал, что Сэтэнай гуаш сможет прирасти ноги Саусэрука к телу, поэтому он хотел доставить нарта к матери. По одной из нартских версий Саусэрук умер от ран, но его мать Сэтэнай гуаш нашла его, прирастила к туловищу ноги и воскресила сына [12, с. 128].

Но на этот раз Тхожий не смог спасти нарта Саусэрука. Враги уже знали об уязвимом месте Тхожия – они рассыпали острые камни, которые он не смог преодолеть. Тогда он сказал: “Я больше тебе не смогу пригодиться. Убей меня и прикройся моей шкурой, и ты будешь защищен от оружия твоих врагов”. Саусэрук семь дней, прикрываясь шкурой Тхожия, оборонялся и никто из врагов не смог к нему подойти “на расстояние вытянутой руки с мечом”. Тогда его закопали живым.

Мотив умирающей и воскресающей природы

(мотив единства и борьбы противоположностей в природе)

Саусэрука закопали живым и отправили его в Хадрыхэ – мир мертвых, но он там не умер. Он остался в зоне, где “прибывает”, все “развивается”, продолжается жизнь. И каждую весну, когда мир (дунай) одевается в зелень и оживляется пением перепелок, слышится голос из-под земли:

“Когда небо синее,
 Когда земля зелена, –
 Подняться бы на семь дней, –
 Появиться бы на дунай,
 Глаза моих недругов
 Всем я вырвал бы,
 На земле стоящий мрак
 Я рассеял бы!” [3. Т. 1, с. 127].

Саусэрук может рассеять мрак, ведь он же имеет эпитеты “солнечный”, “солярный”, иногда “огненный” и его имя связано с Солнцем, со светом. Как “солнечный” нарт он способствует вызыванию дождя во время засухи. Его образ амбивалентен. Недруги боятся его воскрешения. Они говорят: “если нарт Саусэрук вернется на наш дунай, земля потеряет свой “жир” (плодородие) [13, с. 146-153].

Мотив умирающей и воскресающей природы наблюдается в сказаниях, где фигурируют нарт Ащэмэз, его невеста Афэмыд, бог плодородия Тхагэлэдж. Ащэмэз, хотя был еще совсем молод, смог отомстить за отца и победить грозного Тлечуц жач. В поединке сильнее оказался Тлегуц жач, он привязал к коню раненного и потерявшего сознание Ащэмэза, и приволок на коне домой. Жена Тлегуц жач втайне от мужа вылечивает нарта. По одной версии, Ащэмэз даже умер, и жена Тлегуц жач камнем-оселком воскрешает его [14, с. 27-34].

Ащэмэз был храбрым и отважным, не раз уходил в походы с нартами, но один случай изменил его жизнь - в пути его застала гроза, и он лег под деревом отдохнуть. Во сне он услышал чудные мелодии - то ветер, проходя сквозь отверстия, прогрызенные червяками на ветке, сбитой с дерева ветром, их создавал. Ащэмэз вырезал из ветки себе камыл (къамыл - своеобразная флейта, свирель) и начал наигрывать все мелодии, создаваемые природой. Он научился понимать язык зверей и птиц, разговаривал с ними, так он сблизился с окружающим миром.

Но не этим камылем он влиял на природу и погоду. У него был камыл, который он получил в дар от бога плодородия Тхагэлэджа. Камыл имел два разных конца - белый и черный. Когда Ащэмэз играл белой стороной, вся природа оживала:

“Русло сухое наполняется рекою,
 Море наполняется водою,
 Травы и лозы,
 Окованные морозом,
 Оживают, распускаются почки”.

Когда враги напали на страну нартов, Ащэмэз начал играть черной стороной камыла и вся природа “умирала”, мороз все сковывал, замерзали реки и моря, дул сильный ветер и врагам ничего не оставалось, как повернуть назад. Зная о волшебном свойстве камыла Ащэмэза, дракон из подземного царства (здесь налицо и мотив борьбы с врагами из подземного царства - А.К.), воспользовавшись тем, что мужчины нартов ушли в поход, украл невесту Ащэмэза и камыл. Поднявшись в небо, дракон начал дуть в камыл с черной стороны и на землю нартов пришли холод и голод, затем такой зной, что вся вода

испарилась. Нартские витязи нашли и убили дракона (здесь наблюдаются мотивы борьбы с благо и мотивы неперенной победы над ним - А.К.), забрали Афэмыда и камыл. Ащэмэз своей игрой на камыле смог вернуть мир и гармонию нартской земле.

Мотив умирающей и воскресающей природы имел отношение и к Тхагэлэджу. Его чудесная свирель, которая находилась у Ащэмэза, влияла на погоду, он покровительствовал растительному миру, в том числе и деревьям. Они “умирали” зимой и воскрешались весной.

Мотив умирающей и воскресающей природы наблюдается и в сказании о Самгуре - орле-титане. Самгур обладал способностью видеть прошлое и будущее. Когда он поднялся в небо, от взмахов его крыльев поднималась буря, волны моря закипали до самого дня и все звери и птицы в панике прятались, а цветы опускали свои головки. Но по велению Тхэшхо природа вновь оживала: небо прояснялось, солнце выходило в зенит, лес наполнялся душистым дыханием оживших цветов.

Мотив неминуемого наказания за грехи

В адыгском мировосприятии прослеживается мотив вечной борьбы добра и зла, они всегда в бинарном противостоянии. Когда зло поднимается выше, добро опускается, а за этим следуют катаклизмы – это Тхэшхо наказывает виновных. В подтверждение рассмотрим предание об озере Хумэджий. “Как рассказывают, история Хумэджий (Хъумэджий) началась очень давно, – повествует предание. – На месте озера Хумэджий раньше располагалось чылэ. Это село отличалось трудолюбием, люди жили сытно, хорошо, в достатке, но как говорится, “когда человек переходит черту, он начинает выходить из своего обличья”, они пресытились своей жизнью, зазнались, и начали совершать грехи. Когда сыр из коровьего молока сушили, его клали в сапетку с пшеницей и там он лежал два – три года и ничего с ним не случалось. А здесь его катали как колесо, кусками твердого сыра играли в ханак (хъэнакъ - национальная адыгская игра, где применяются палки, которыми обычно бьют кусок дерева – А.К.). “Достигай неба, пастэ!” – говорили они, подбрасывая куски круто сваренного проса в небо. Так они начали играть с едой и совершили большой грех.

А одна пожилая женщина не одобряла этого, укоряла жителей. Однажды вечером к ней пришел посланник Тхэ и сказал: “Сегодня ночью будет большое наводнение. Собаки будут выть, коровы мычать, их будет уносить ураган, будет казаться, что мир рушится. Чтобы ни случилось, что бы ты ни слышала, не открывай дверь и не выглядывай”. Он предупредил ее и ушел. Кто знает вышедшего от нее – говорят хороший человек, святой. Долго ли всему случится – собаки начали выть, коровы мычать, люди кричать, мир начал рушиться. Не понимая, что происходит, женщина немного приоткрыла дверь и выглянула одним глазом, но, как рассказывают, она ослепла на этот глаз. “Аллах, Аллах, все так, как он говорил!” – воскликнула она и закрыла дверь.

Долго ли это происходило, но чылэ ушло под землю, и на его месте стала вода. Посередине образовавшегося озера осталось два, три гектара суши, и от него была тропа, которую позже называли “тропой хорошей женщины”. Только по ней можно было проходить к суше посередине озера или выходить оттуда, по ней эта женщина вышла из озера, она потом жила в селе Шэбэнхабль еще много лет ...” [15]. Озеро Хумэджий, как и соседние адыгские селения, были затоплено Кубанским водохранилищем. На месте нынешнего Абрау-Дюрсо располагалось адыгское село Абраго (Абрагъу), который также ушел под воду за непослушание Тхэшхо. Предания о селах, ушедших под землю и превратившихся в озера, учат людей творить добро, быть сострадательными, что непременно будет отмечено Всевышним, если нет - жди возмездия, от которого нет спасения. Такова основа

адыгского миропонимания, связанная с Тхэшхо.

Мотив неминуемого наказания за грехи широко распространен в нартском эпосе. Практически в каждом сказании встречаются эпизоды бинарного противостояния добра и зла, где последнее всегда наказывается. Так был наказан иныж Шхабго, который ограбил вдову нарта Хымыща Исп гуащ. Он знал, что на нартском Хасэ было принято решение охранять и заботиться о постаревшей Исп гуащ, у которой никого не осталось, погибли и муж, и сын Пэтэрэз. Любой, кто обидит ее, будет непременно наказан, и данный грех будет приравняться к ста грехам. Так и получилось: когда нарты были в походе иныж Шхабго ограбил Исп гуащ, за что сын Тлепша поймал его и привел к нартам, а те жестоко покарали злодея. Также был наказан и сын иныжа Шхабго, который, как и отец, постоянно досаждал нартам, особенно детям, когда они играли, кидал в них деревья, тем самым наносил увечья. Саусэрук и Шэбатынук поймали его, избили и он поклялся, что пока он жив, никогда не подойдет к нартам [3. Т. 7. С. 105-106].

Мотив неперемного наказания за грехи и мотив неперемного наказания за клятвенарушение прослеживается в противостоянии нарта Ерыщэко и одноухого иныжа на длинном черном коне. Иныж нападает на нарта Ерыщэко с войском, но терпит поражение и погибает от руки героя. Перед смертью иныж говорит: “Кому желаешь добра, скажи, чтобы не причинял зла бедным и слабым. Пусть не делает другому то, что самому себе не желает. Мне эти слова говорил старый нарт и заставил поклясться в том, что никогда больше никого не обижу, но нарушил клятву и навлек на себя беду ...” [3. Т. 1, с. 280]. “Старый нарт” - это отец Ерыщэко, который также победил иныжа, отрезал одно его ухо и, заставив поклясться, что больше никому не причинит вреда, отпустил.

В сказании “Как сын старика привез сестру нарта Нэджыко” повествуется о том, что сын Емынэжа причинял людям страдания, как и отец. Так он, воспользовавшись тем, что Тлежуко был в отъезде, отправился к его деду, связал его и держал у себя в сарае и кормил, как скотину на привязи. Вернувшийся домой нарт Тлежуко освободил деда, связал сына Емынэжа, прибил его к земле семью цепями так, чтобы тот мог только наклоняться к пище. Перед тем как отпустить сына Емынэжа, нарт ему сказал, что и впредь на его злодеяние неминуемо последует наказание. Так нарт проучил и наказал сына Емынэжа, чтобы он впредь не причинял вред нартам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожин П.М.* Симпозиум по проблеме “Становление человеческого общества” // Вестник древней истории. 1968. № 4.
2. *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-тво КБГИ, 2009. 228 с.
3. *Нартхэр = Нарты: Адыгэ эпос: томибл хьурэ текст угъоигъэхэр / зэфэзыхьысыжьыхи зэхэзгъэуцуагъэхэр, ублэлэ очеркымрэ комментариэхэмрэ зытхыгъэр А. Хьэдэгъэлэ. Мыекъуапэ, 1968. Т. 1; 1969. Т. 2; 1970. Т. 3; 1970. Т. 4; 1970. Т. 5; 1971. Т. 6; 1971. Т. 7.*
4. *Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гутов, А.М. Гадагатль З.П. Карадангушев; вступ. ст. А.Т. Шортанова. М.: Наука, 1974. 415 с.*
5. *Ципинов А.А.* Мифопоэтическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 178 с.
6. *Казиева А., Шавхелишвили Б.* Образ героя-похитителя во благо в героических эпосах народов Кавказа (или что похищает мифический герой? // Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа: материалы Междунар. симпозиума. Тбилиси, 2012. С. 174-178.
7. *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А-К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 720 с.*
8. *Хан-Гирей С.* Черкесские предания: избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285 с.

9. Военный сборник. СПб., 1880. № 10. С. 307-309.
10. Адыгэ усэнэр. Дамаск, 1940. С. 12.
11. Дюмезиль Ж. Легенды о нартах, новые тексты, относящиеся к герою Сосырыко, опубликованные в ж. "Обзор истории религии" [на фр. яз.]. 1942-1943. Т. СХХV. С. 17-18.
12. Шортанов А.Т. Адыгская мифология / А.Т. Шортанов. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.
13. Тхагапсоев Х.Г. Нартский эпос как логос кавказского культурогенеза (экзистенциальная реконструкция) // Истоки региональных культур России. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000.
14. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А - К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 720 с.
15. Наток И. История о Хумаджие // Эхо. Майкоп, 1992. № 2.

Adygeya republican institute of humanitarian studies named after T.M. Keraseva, Maikop

© А.С. Кук, 2019

АННОТАЦИЯ

Рассматривается наиболее распространенная мифологема в адыгском мифоэпическом сознании - мотивы. Показано, что она сопровождает человека с древнейших времен. Установлено, что основных мотивов в адыгском нартском эпосе более тридцати. Мотив добывания / возвращения огня, мотив богоборчества, мотив уязвимого места на неуязвимом теле, мотив непрямого наказания за грехи, мотив умирающей и воскресающей природы (мотив единства и борьбы противоположностей в природе) являются наиболее распространенными.

Ключевые слова: нартский эпос, нарты, иныжи, испы, мифоэпическое сознание, мотивы, богоборчество, волшебная свирель Ащэмэза.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп

© А.С. Кук, 2019